

Б. Б. Дубенцов

**«Неудавшийся юбиляр»:
Десятилетие манифеста 17 октября 1905 г.
в освещении русской печати**

Одним из важнейших событий в политической истории России начала XX в. было издание манифеста 17 октября 1905 г., декларирующего переход от абсолютизма к конституционной монархии. Сторонники реформистского пути развития страны, которых принято называть «либералами» и «либеральной оппозицией», в противоположность революционерам, горячо приветствовали манифест и придавали ему судьбоносное значение. После окончания Первой российской революции умеренно прогрессивная пресса, следуя традиции отмечать политически значимые даты, год за годом упоминала о 17 октября¹. В 1915 г. наступало десятилетие манифеста, а значит, и его первый юбилей².

¹ Проявление внимания реформистских кругов и выражавшей их мнения прессы к годовщинам 17 октября в период между 1907 и 1915 гг. служило, как можно полагать, одним из тактических приемов, использовавшихся с целью напомнить власти и обществу о необходимости следовать курсом реформ, и могло бы стать предметом специального исследования. В канун шестой годовщины манифеста С. Ю. Витте напечатал в газете «Речь» письмо, в котором заявлял, что «сохранился лишь труп 17-го октября». Письмо «усиленно» комментировалось печатью (см. Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред., автор предисл. В. В. Шелохаев; сост. и автор коммент. и предисл. К. А. Соловьев. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 166–167; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 349–352; *Сагинадзе Э. О.* Образы отставного сановника: С. Ю. Витте и общественное мнение: 1906–1915 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. С. 105–114).

² На издание «номера «Юридического вестника», посвященного десятилетию манифеста», и на одну из помещенных в нем статей указал в своем разделе коллективного труда

К середине октября 1915 г. социально-политическая обстановка в стране определялась, с одной стороны, тем, что попытки умеренно-прогрессивной общественности на фоне военных поражений добиться от царизма создания правительства, готового сотрудничать с ней, окончились полной неудачей. Последовавший еще 3 сентября роспуск Государственной Думы означал, что «кризис кончился. Он разрешился в пользу правых... Еще одна возможность для сделки между русской буржуазией и царем была упущена»³. С другой стороны, на сентябрьском съезде Всероссийского союза городов в речах его председателя М. В. Челнокова и других ораторов было заявлено о невозможности для союза оставаться «далеко от политической деятельности» и указано на обусловленность проведения насущных реформ требованиями войны⁴. Готовые поддерживать правительство общественные силы, включая консервативную буржуазию и поместное дворянство, объединившиеся в Прогрессивный блок, оказались в оппозиции к предпринятому Николаем II повороту вправо, открыто признав «неспособность царизма справиться с его важнейшими функциями»⁵ и считая необходимым добиваться смягчения курса. Но как это сделать, оставалось неясным. Возникали планы выдвинуть «в качестве главного орудия борьбы» прессу. «Уныние всё больше охватывало деятелей либеральной оппозиции»⁶. Сентябрьская волна стачечного движения, нараставшего с августа 1915 г.⁷, в октябре–ноябре сменилась сокращением общего количества стачек и числа забастовщиков, хотя «полицейские документы называли настроение петроградских рабочих в тот период “повышенным”»⁸. Вместе с тем мнение о том, что поворот правящих верхов вправо приблизит революцию, было широко распространено в буржуазно-интеллигентских кругах⁹.

«Власть и реформы» член-корреспондент РАН Р. Ш. Ганелин (см. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006. С. 460). Данная статья предназначена дать обзор мнений о юбилее манифеста, опубликованных на страницах ведущих органов российской прессы в 1915 г.

³ *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л.: Наука, 1977. С. 175.

⁴ Известия Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам. 1915. № 19. 15 ноября. С. 8–9, 26.

⁵ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л.: Наука, 1984. С. 575 (далее — Кризис самодержавия).

⁶ *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие. С. 182–183.

⁷ См. Кризис самодержавия. С. 550–551, 573.

⁸ *Лаврин В. А.* Возникновение революционной ситуации в России в годы Первой мировой войны. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 206.

⁹ На съезде городского союза М. В. Челноков говорил: «Только глухой не слышит, и только слепой не видит того, что происходит теперь. Мы все чувствуем и знаем, что положение России с каждым днем становится напряженнее, что если не будут исправлены ошибки, если не будут приняты немедленно меры, то наша родина может стать на край гибели». См. Известия Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам. 1915. № 19. 15 ноября. С. 9. Еще более определенно высказался в частной беседе А. И. Гучков: «...Россию даже после победоносной войны ожидает революция». Цит. по: *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие. С. 183–184.

Как можно полагать, периодические издания, издававшиеся революционными партиями как в России, так и за границей¹⁰, предпочли в большинстве своем обойти молчанием десятилетнюю годовщину манифеста 17 октября. Для выходивших в России газет и журналов далеко не последней причиной молчания могли быть опасения цензурных преследований¹¹. Исключением стала самарская газета «Наш голос», «претендовавшая на роль общероссийского меньшевистского органа»¹². В ней 17 октября была помещена передовая статья А. Гриневича (К. С. Шехтера)¹³ «Неразрешенная задача». Судьбу основных положений манифеста автор обрисовывал в самых мрачных тонах: «Обещанное было разъяснено и фактически сведено на нет». После начала мировой войны «на деле были отменены последние остатки народных свобод и народных прав». Но, подчеркивал А. Гриневич, война показала, как и в 1905 г., что «неограниченная бюрократия неспособна не только создать терпимые порядки внутри страны, но и обеспечить ее внешнюю безопасность». Снова встал вопрос о власти, о ее переходе «в руки передовых слоев общества». Поняв это, «буржуазия организовалась», тогда как рабочий класс «еще ничего не сделал для своего сплочения и выступления на арену общественной борьбы в качестве организованной силы». От этого «зависит осуществление тех целей, которые жизнь выдвигала десять лет назад и которые более настоятельно выдвигаются в десятую годовщину манифеста 17-го октября»¹⁴.

Через день газета вернулась к той же теме, поместив еще одну передовую статью под заглавием «Прежде и теперь (1905–1915 гг.)». Ее автор, В. Левицкий (В. О. Цедербаум)¹⁵, объяснял неудачу попыток разрешить «задачу политического раскрепощения страны» тем, что в 1905 г. у буржуазии, к которой только и должна была перейти власть, еще не выработалось «достаточно организованных сил, могущих встать у кормила правления». Не обнаружив их в себе, буржуазия «повернулась спиной к пролетариату» и перешла в пра-

¹⁰ По мнению С. В. Тютюкина, Г. В. Плеханов «к 10-летию царского манифеста 17 октября 1905 г. <...> приурочил публикацию статьи “Две линии революции”» в эсеро-меньшевистском журнале «Призыв», выходившем в Париже. См.: Непролетарские партии в России: Уроки истории / Отв. ред. Л. М. Спирин. М.: Мысль, 1984. С. 191. Но в самой статье ни о манифесте, ни о его юбилее нет ни слова.

¹¹ В декабре 1915 г. редакция большевистского журнала «Вопросы страхования» отмечала: «Последовательному демократическому органу, каким является наш журнал, приходится поневоле соблюдать молчанием самое важное, об остальном говорить урывками, инсказациями» (см. Вопросы страхования. 1915. № 11. 23 декабря. С. 2. От редакции).

¹² Непролетарские партии в России: Уроки истории / Отв. ред. Л. М. Спирин. М.: Мысль, 1984. С. 197.

¹³ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. / Подг. Ю. Ф. Масанов; ред. Б. П. Козьмин. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты; Т. I, 1956; Т. II, 1957; Т. III, 1958; Т. IV, 1960. Т. I. С. 305 (далее — Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов).

¹⁴ Гриневич А. Неразрешенная задача // Наш голос [Самара]. 1915. 17 октября.

¹⁵ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. Т. II. С. 114.

вительственный лагерь, готовая «склонить выю перед правительством бюрократическим». Удалось добиться установления «немногочисленных зачатков конституции» — появились «худое народное представительство», ограниченные свободы. Но и этого, подчеркивал автор, оказалось достаточно для улучшения организации русской демократии. Общественную ситуацию 1915 г. В. Левицкий характеризовал как полностью противоположную той, что была в 1905 г. По его мнению, «увеличение роли и значения буржуазии в... движении» дает «большие надежды» на его положительный результат. Пролетариат в разворачивающейся борьбе не выступит гегемоном, но он способен оказать «очень большое влияние на ход событий»; передовые слои русского пролетариата усвоили, что он «не должен забывать о необходимости поддерживать всякое движение, исходящее от буржуазии и направленное против их общего врага»¹⁶.

Издания общедемократического направления, допускавшие критику в адрес «умеренной оппозиции», тоже отказались от публикации статей, посвященных юбилею. Полностью его проигнорировал «Еженедельный журнал». Журнал «Русские записки», продолжатель «Русского богатства», ограничился упоминанием манифеста в ноябрьской книжке, в статье А. Борисова, посвященной сопоставлению программной статьи, опубликованной в газете «Утро России», с содержанием манифеста. Вывод состоял в том, что программа партии прогрессистов скромнее манифеста: «В общем счете авторы декларации прикарманили чуть ли не весь манифест и заменили его более или менее двусмысленными словами»¹⁷. «Современный мир», журнал, близкий меньшевикам-оборонцам¹⁸, вместо статей на юбилейную тему поместил сатирическое стихотворение Демьяна Бедного, героем которого представал бюрократ-куплетист, признававший необходимость реформ, но предлагавший под разными предлогами «погодить». Завершалось стихотворение следующими строчками:

Куплетист (пусть он с талантом)
Нас избитым «вариантом»
В изумление не поверг.
Знаем: если ждать упорно,
И упорно, и покорно,
То получим всё, бесспорно...
«После дождичка в четверг»¹⁹.

¹⁶ *Левицкий В.* Прежде и теперь (1905–1915 гг.) // Наш голос [Самара]. 1915. 20 октября.

¹⁷ *Борисов А.* Вопросы тыла // Русские записки. 1915. № 11. С. 245 (вторая пагинация).

¹⁸ *Махонина С.Я.* Русская легальная журналистика XX в. (1905 — февраль 1917) (опыт системного исследования) // Из истории русской журналистики начала XX века / Под ред. Б.И. Есина. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 20.

¹⁹ *Бедный Д.* Куплетисты // Современный мир. 1915. № 10. С. 209 (вторая пагинация).

Еженедельник «Русская будущность», начавший выходить с 21 августа 1915 г., еще в редакционной статье первого своего номера напомнил о манифесте: «Кровавая японская война привела к 17-му октября 1905 г., причем, однако, обещанные свободы далеко не были осуществлены. Было создано одно только народное представительство». Вслед за этим выражалась вера в то, что «теперь за свои миллионные жертвы кровью русский народ возьмет заслуженное им право свободно жить»²⁰. Через два месяца юбилею манифеста была уже посвящена вся редакционная статья. Она открывалась восторженной оценкой акта 17 октября и порожденных им ожиданий: «Перевал был пройден, великие принципы нового, свободного строя провозглашены всенародно, удовлетворены многолетние чаяния лучших русских людей — и впереди занималась яркая заря светлого будущего...» Отмечая сходство обстоятельств, разделенных прошедшим десятилетием, еженедельник с разочарованием описывал проведение юбилея, которое после отказа Прогрессивного блока «от публичных выступлений» свелось к панихиде по С. Ю. Витте, собравшей его немногих родственников и друзей, и к банкету в клубе общественных деятелей, который прошел «без малейшего подъема, без светлых штрихов, без яркого настроения». «Участники банкета разошлись, унося в душе чувство как бы конфуза или даже обиды за неудавшегося юбиляра». Преобладание такого настроения порождалось не только тем, «что когда-то провозглашенные лозунги и принципы повисли в воздухе и отнюдь не были претворены в дело», его должны были вызвать еще и «такие прелести общественно-политической жизни, о которых раньше и помина не было»²¹. Но не было разбужено «чувство естественного негодования, <...> был конфуз». Его происхождение объяснялось расколом общества, проявившего равнодушное отношение к разгону I и II Государственных Дум, к изданию акта 3 июня 1907 г. «А следствием этого акта явился однобокий, уродливый состав третьедумских депутатов, который целые пять лет всячески старался доказать свою готовность ко всяким компромиссам, <...> который пугался при случайном упоминании о манифесте и его принципах». Обществу предъявлялось обвинение в том, что ему «до полной зрелости <...> еще далеко», Думе ставились в укор «обывательское молчание до посыпавшихся на нас <...> ударов на фронте» и отказ поддержать «формулу прогрессистов об ответственном министерстве», которая, по мнению еженедельника, «диктовалась уже населением страны». Всё это и выставлялось причинами «конфуза в юбилейный день»²².

В том же номере «Русской будущности» вслед за редакционной статьей шла статья под заглавием «Юбилей манифеста 17 октября 1905 года». Ее автор (предположительно Т. В. Поздняков), скрывшийся под псевдонимом «Оптимист»²³, задавался вопросом: «Что же дал нам, в конце концов, манифест

²⁰ Русская будущность. 1915. № 1. 21 августа. С. 3.

²¹ О том же говорилось и в стихотворении Д. Бедного: «Было плохо, стало хуже».

²² Русская будущность. 1915. № 10. 23 октября. С. 1–3.

²³ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. Т. II. С. 299.

17 октября, десятилетний юбилей которого послужил поводом к переоценке существующего политического положения?» Признавая, что «дал он нам неизмеримо меньше, чем мог и должен был дать», «Оптимист» возлагал за это вину единственно на «правлящую бюрократию». Именно ею сохраняется деление на «мы» и «они», «по-прежнему малейшая попытка народного представительства оказать практическое воздействие на наше внутреннее неустройство оценивается как стремление к “захвату власти”». Между тем Дума «ярко подтвердила своей высокопатриотической деятельностью, что «захват власти» отнюдь не составляет ее идеала». По убеждению «Оптимиста», «десятилетний юбилей манифеста 17 октября должен пробудить <...> твердую веру в грядущее, непременно лучшее будущее», поскольку «сила и значение общества постепенно растут. <...> Мы идем вперед, и этим всё сказано»²⁴.

В номере газеты «Петроградский курьер» за 17 октября вся третья полоса была отведена под материалы, посвященные юбилею манифеста. Этот юбилей в редакционной статье был назван «юбилеем раскрепощения Русского государства и общества», который, однако, не смог «вызвать огромный гражданский энтузиазм». «Правительство делает вид, что 17 октября ничего не случилось»; земства и городские думы не проводили чрезвычайных сессий; политические партии не могли «созвать граждан в общественные собрания, даже если бы и пожелали», юбилей встречали «в отсутствие народного представительства». (Попутно газета не преминула отметить, что Государственная Дума 3 июня «не есть народное представительство».) «Спустя десять лет после октябрьского манифеста, — констатировал “Петроградский курьер”, — правительство и страна представляют собою два старых лагеря», причем один из них — правительство, «отходит» от другого, а именно от Государственной Думы, «от мнений страны». «Но десять лет не прошли даром» — существует Государственная Дума как центр общественного мнения, удалось подойти «вплотную <...> к тем самым «незыблемым началам» гражданской свободы, которые десять лет тому назад прозвучали как декларация». По заключению газеты, «рост политического сознания народа наглядно виден из того, что <...> нация поставила ребром вопрос о власти, обремененной доверием страны». Вторая редакционная статья в «Петроградском курьере» называлась «Десятилетие свободы слова» и была посвящена положению печати «в конституционную эпоху». Указывая на узость тех границ, в которые правительство втиснуло прессу, газета вместе с тем признавала и наличие завоеваний в этой сфере, относительно которых заявлялось: «Мы исполнены сознания, что добытое нами не отнять уже никому и никогда без риска полного паралича государственности». Статья, озаглавленная «На заре свободы» и подписанная «Ник. Н-въ», содержала описание событий, приведших к изданию манифеста, и завершалась горьким признанием: «17 октября 1915 года мы стоим всё перед теми же вопросами», что и десять лет назад. Но за эти «всеми каких-то десять лет» «как далеко ушла вперед, шагнула в смысле

²⁴ Русская будущность. 1915. № 10. 23 октября. С. 3–4.

политического самосознания Россия!» — восклицал автор. Статья «Старого журналиста», четвертая в «Петроградском курьере», была искромсана цензурой до полной потери связности и содержательности²⁵.

18 октября «Петроградский курьер» опубликовал отчет о банкете в клубе общественных деятелей, кратко изложив содержание прозвучавших там речей и упомянув о разгоревшемся споре между депутатом Думы М. А. Карауловым и членом Государственного совета В. И. Гурко. Караулов заявил, что «акт 17-го октября совершенно не проводился в жизнь», а его оппонент обвинил в этом общество, которое «в лице кружковщины и партий немало препятствовало» его осуществлению²⁶. 20 октября газета снова обратилась к теме манифеста. На этот раз редакционная статья «Десятилетие “манифеста 17-го октября”» вышла с цензурными изъятиями, которые не могли смягчить ее категорический тон. Демонстративно в заглавии статьи и в ее тексте слова «манифест 17-го октября» ставились в кавычки, в чём можно видеть недвусмысленный намек на его условность. Да и напрямую говорилось, что положения манифеста остались неосуществленными. Поэтому, иронизировала газета, «юбиляр чувствует себя чем-то фантасмагорическим». Но «фантасмагория претворяется в реальность» — народ сплотился, в подтверждение чего указывалось на резолюции московских съездов и образование Прогрессивного блока. Из этих событий проистекал оптимистический вывод: «Мы ближе к его (манифеста. — Б.Д.) действительному осуществлению, а эта уверенность смягчает тревогу и позволяет без страха и сомнений смотреть вперед!»²⁷ И только 21 октября «Петроградский курьер» подвел черту юбилейной тематике, поместив статью члена Государственной Думы И. Титова «Неизменная задача». Такой задачей автор называл осуществление царской резолюции «Принять к руководству», положенной на всеподданнейшем докладе С. Ю. Витте, которым сопровождалось издание манифеста. По уверению автора, десятилетняя борьба за исполнение резолюции была «не напрасна», Дума как никогда популярна. Правительственному требованию «Сначала война, потом организация страны и власти» она ответила: «Победа путем устроения жизни»²⁸.

Юбилейные материалы в газете «День»²⁹ размещались, начиная с третьей полосы. Они открывались корреспонденциями, в которых сообщалось об отказе Прогрессивного блока отметить годовщину 17 октября ввиду «несвоевременности» и о сходном решении петроградских рабочих: «...празднование десятилетия свобод отложить на неопределенное время». Вслед за корреспон-

²⁵ Петроградский курьер. 1915. 17 октября.

²⁶ Там же. 18 октября.

²⁷ Там же. 20 октября.

²⁸ Там же. 21 октября.

²⁹ Существует мнение, что газета «День» издавалась на деньги банков. См. Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917). Справочник / Авт.-сост. М. С. Черепанов, Е. М. Фингерит. М.: Госполитиздат, 1957. С. 194.

денциями шел фельетон Номо novus'a (А. Р. Кугеля) «Обыватель, бюрократия и черт». В нём предлагалось согласиться с девизом «факты исчезают, а иллюзии остаются» — «Иллюзии остаются и мерцают через десять лет, как погребальная свечка». Носителем иллюзий выступал обыватель, признававшийся жене: «Все факты я прожил. Прожил неприкосновенность личности, прожил свободу союзов, печати и совести... Спустил, промотал... В какой-нибудь месяц, можно сказать. Но иллюзии остаются». И под их воздействием обыватель видит сон: «...в 2015 году он пришел в банкирскую контору и открыто, при всем честном народе, променял пожелтевший и изорванный купон конституционных иллюзий на факт действительности».

Четвертая и пятая полосы были полностью отведены под материалы, связанные с манифестом. Основную их часть составляли отрывки воспоминаний лиц, участвовавших в обсуждениях проектов манифеста и учреждения Государственной Думы, и свидетелей тогдашних событий. В этих публикациях звучали нотки оптимизма по поводу возвышения роли Государственной Думы. Полностью воспроизводились тексты манифеста и всеподданнейшего доклада С. Ю. Витте. Затем под рубрикой «17 октября 1905 г. — 17 октября 1915 г.» шла серия статей о манифесте. Редакционная статья, озаглавленная «Итоги», констатировала отсутствие изменений за прошедшие годы. Мир преображался, «только у нас, как в царстве теней, нет перемен, старое не стареет, молодое не растет». Риторически вопрошая: «Разве не стоим мы на том же месте, что и десять, и двенадцать лет назад до 17-го октября?», газета указывала на главную перемену в политической жизни — существование «народного представительства», тут же оговариваясь: «Оно тонет в пучинах старых навыков и устарелых притязаний». Но вместе с тем отмечалось, что «дети наши окружены иной, ранее небывалой атмосферой... Да и сами мы изменились, изменились все критерии и масштабы. Поэтому именно велико наше нетерпение. Родилось на Руси гражданство, и оно крепнет». Исходя из этого, «День» предрекал: «Скоро сила, которая десять лет тому назад подготовила и сделала неизбежным перелом 17-го октября, <...> восторжествует над всеми препятствиями». А пока этот момент не настал, «мы подвигаемся черепашьям шагом и отстаем с каждым днем всё больше» от остального мира, сокрушалась газета.

Статья М. А. Рейснера «17 октября и русский государственный строй» была совершенно изуродована цензурой. Лишь один ее фрагмент был сохранен в доступном для понимания виде: как считал автор, издание манифеста свидетельствовало о том, что «на арену русской истории выступает новый гигантский организм. Это, по словам официального документа, “русское общество”»³⁰.

В «Русском слове», газете, выходившей самыми большими тиражами в те годы и обслуживавшей не только столичного, но и провинциального читателя³¹,

³⁰ День. 1915. 17 октября. С. 3–5.

³¹ См. Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917). С. 18; Махонина С. Я. Русская легальная журналистика XX в. (1905 — февраль 1917). С. 27.

материалы о манифесте были размещены, начиная с первой полосы. В редакционной статье «Две России» «Россия 16 октября — Россия бюрократическая» противопоставлялась «России 17 октября, <...> которую призвал к открытой жизни этот великий день». «Россия 16 октября» обвинялась в провалах военного снабжения, в дороговизне нефти, муки и сахара; зато возвеличивались заслуги «России 17 октября» в деле ухода за ранеными, в обеспечении армии, в деле заботы о беженцах. Если войну 1877–1878 гг. выиграла армия «19 февраля», то «нынешняя война, — подчеркивало “Русское слово”, — ведется народом 17 октября», и многозначительно провозглашало: «И народ 17 октября победит».

На той же первой полосе весь подвал занимал фельетон В. М. Дорошевича «Невыстроенное здание». Манифест, по оценке автора, ничто иное как «план здания», в котором первый этаж — политические свободы, второй этаж — избирательные права, третий — законодательные полномочия Государственной Думы. Фундамент был обозначен во всеподданнейшем докладе С. Ю. Витте: «Единение с разумным большинством общества». Но вопреки этому «десять лет здание не выстроено». Причину этого В. М. Дорошевич видел в том, что поиск «фундамента», предпринимаемый всеми главами правительства начиная с Витте, оставался безуспешным. Читателю давалось понять, что теперь искать нечего, когда сложился Прогрессивный блок. Более того, статья заканчивалась весьма решительным суждением: «Всё русское общество превратилось в один “блок”, твердый как камень. Вот фундамент для здания 17-го октября 1905 г. Если вы хотите строить».

Вся вторая полоса в юбилейном номере «Русского слова» тоже была заполнена материалами о манифесте. Здесь воспроизводились сам манифест, доклад С. Ю. Витте, обращение П. А. Столыпина к населению Саратовской губернии по поводу манифеста. Следом шла вторая редакционная статья «Через 10 лет». Она указывала на отсутствие обещанных в манифесте «гражданских свобод» и поэтому слова манифеста представлялись «как манящий, скрытый где-то в туманных перспективах грядущего немолчный звон и обет». Сравнение дополнялось стихотворными строками того же смысла:

Благодатное время надежд!
Да! Прошедшим и ты уже стало!
К удовольствию диких невежд
Ты обетов своих не сдержало.

Видя в докладе Витте «политическое завещание 17 октября», редакция «Русского слова» указывала на различие обстоятельств, разделенных юбилейным десятилетием: «Волна народного движения <...> уже сбегала», а обещанные гражданские свободы не стали «действительными». Общество, уверяла газета, сделалось перед лицом войны единодушно как никогда, «и никогда, вместе с тем, оно не чувствовало такой потребности слиться воедино с властью,

стать действительной опорой сильной власти». Но «голос земли», с особым нажимом подчеркивалось далее, остался безответным, ««нарушенное равновесие» почувствовалось еще острее». Редакционная статья, в заключение которой умело вставлялись ключевые фразы из доклада С. Ю. Витте, завершалась повторением исходной мысли: «И как десять лет назад, мы вновь стоим перед закрытой дверью и тщетно ждем того момента, когда “в уровень с одушевляющей благоразумное большинство общества идеями будут поставлены и внешние формы русской жизни” и “власть перестанет видеть умаление своего престижа” в признании справедливых требований “мыслящего русского общества”... А до тех пор он (день 17 октября. — Б. Д.) останется днем будущего».

Статья М. М. Ковалевского, выдающегося ученого и видного деятеля кадетской партии, была озаглавлена «Нечто о 17 октября и о “блоке”» и отличалась едкой иронией. Напоминалось о провозглашенном в манифесте обещании «солидарного кабинета», о постоянном противостоянии палат в процессе законотворчества. Появление Прогрессивного блока изображалось как «нечто неожиданное». Всерьез отмечая наличие у его программы общественной поддержки, автор деланно ужасался перспективе создания «правительства народного доверия».

Подвал второй полосы занимала пространная статья А. В. Руманова «История манифеста». Излагая обстоятельства подготовки и издания акта 17 октября, автор выделял слова С. Ю. Витте: «Ход развития всех стран, всех народов таков, что другого пути, кроме указанного манифестом 17-го октября, быть не может». Упомянуто было и другое его мнение, якобы высказанное князю О. вместе с просьбой составить проект манифеста: «Набросайте все свободы <...> и чтоб был ответственный кабинет».

На пятой полосе было отведено место краткому сообщению о том, что бюро Прогрессивного блока «в последнем заседании» обсуждало «вопрос, следует ли блоку отметить 10-летний юбилей манифеста 17-го октября. Решено отказать от особых выступлений. Вместе с тем постановлено присутствовать на панихиде по графе С. Ю. Витте»³².

В номере, вышедшем на следующий день, под рубрикой «Десятилетие 17 октября» была помещена заметка «В провинции» весьма краткого содержания: «Как нам сообщают из целого ряда больших городов, десятилетие внешним образом не было отмечено ничем». Вслед за этим шел обзор высказываний органов печати по поводу юбилейной даты. В разделе «Провинциальная печать» отмечалось, что вся статья «17 октября» целиком была вычеркнута цензурой из газеты «Вятская речь», а остальные издания приветствовали юбилейную дату, сходно упоминая о прогрессивных изменениях, произошедших благодаря манифесту, прежде всего о существовании Государственной Думы, и выражая надежды на полное осуществление провозглашенных манифестом начал после войны³³.

³² День. 1915. 17 октября.

³³ Там же. 18 октября.

«Раннее утро», газета видного представителя московской торгово-промышленной буржуазии и одного из лидеров партии прогрессистов П. П. Рябушинского³⁴, на второй полосе разместила подборку материалов о манифесте под шапкой «Десять лет». Здесь же была напечатана фотография С. Ю. Витте в парадном мундире статс-секретаря и дана подпись: «Бывший председатель совета министров, идейный творец манифеста 17 октября 1905 г.». В передовой статье под названием «Семнадцатое октября» отмечалось, что манифест открыл «эру приобщения нашей отчизны к культуре Запада, эпоху обновления русской жизни в том направлении, которое было намечено усилиями прогрессивных кругов русского общества». Находя десятилетний срок достаточным «для того, чтобы можно было добиться существенных результатов», газета категорически утверждала, что их достичь не удалось: «Страна в своем стремлении к возрождению всё еще остается на том же месте, на котором ее застала знаменательная в истории русского прогресса дата», манифест «доселе не претворен в жизнь». Объяснялось это тем, что осуществлять акт 17 октября «было призвано всё то же средостение (читай: бюрократия. — Б. Д.), которое не знало и не знает другого идеала, кроме идеала полицейского государства». Борясь за сохранение своей «прежней роли», «противники обновления и сторонники дореформенного строя» в течение десяти лет действовали так, чтобы «ликвидировалась волна народного пробуждения», и обеспечили «господство старого режима со всеми его дореформенными особенностями». По мнению газеты, война заставила «вспомнить о том, как много сил было потрачено впустую», но не изменила ситуацию: всё, что «закреплено манифестом 17 октября <...> давно должно было быть воплощено в незыблемые законы и, тем не менее, ничего этого нет, а жизнь по-прежнему направляется и регулируется ведомственными циркулярами, в которых доброжелательность чередуется с «твердостью», доверие с недоверием. В этом трагедия нашей неустроенности». Занявший подвал той же полосы фельетон Эр. Печерского под названием «Тогда и потом» был проникнут одной мыслью: пока Германия готовилась к войне, российское общество волновал «целый ряд нелепостей» — скандальных разоблачений и судебных дел. После начала войны пришлось платить «за свою инертность, за свое удаление от общественности». Минувшее десятилетие, в заключение подчеркивал автор, «только лишний раз указывает те пути, идя по которым, мы можем выйти из круга азефовщины и мясоедовщины»³⁵.

Следующий номер газеты вышел с подборкой высказываний видных общественных деятелей на тему юбилея. Под заглавием «Итоги десятилетия. 1905–1915 г. (Анкета)» были опубликованы мнения А. Д. Протопопова, Д. И. Шаховского, Ф. А. Головина и П. И. Новгородцева. Они единодушно расценивали издание манифеста как «победу», «перелом», озарение «новым све-

³⁴ Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917). Справочник. С. 154.

³⁵ Раннее утро. 1915. 17 октября.

том» и заявляли о невозможности «возврата к старому». В той или иной форме все участники анкеты сходно с Д. И. Шаховским, прямо заявившим о себе, что он — «большой оптимист», выражали уверенность в скором и неизбежном осуществлении «чаяний народа». И только Ф. А. Головин высказался в том же тоне, какой отличал передовицу «Раннего утра» накануне: «Общество ожидало, но получило крохи обещанного». В том же номере от 18 октября была представлена несколько иная версия состоявшейся на банкете в клубе общественных деятелей полемики. «Раннее утро» сообщало, что М. А. Караулов без обиняков заявил: «Нынешний банкет есть поминальная трапеза», а В. И. Гурко, возражая ему, лишь уверял, что «манифест будет вечно жить во славу русского народа»³⁶.

Главный печатный орган партии прогрессистов — «Утро России», посвятил редакционную статью «Десятая годовщина» не столько собственно манифесту, сколько характеристике конституционного строя, который был создан благодаря 17 октября. Этот строй был ничто иное как «хилый младенец», который «от одних <...> отнял слишком много, другим он слишком мало дал». Ему довелось расти «в сгущенной атмосфере явной вражды и тайного недоброжелательства, недоверия и неудовлетворенности». Поздравлять его следовало лишь с тем, «что он вообще-то существует». Залогом того, что будет «народопредставительный строй наконец-то признан и у нас», выставялось «высокопатриотическое воодушевление народного представительства». Не скрывая разочарования тем, что надежды, порожденные в 1905 г., не оправдались; что Государственная Дума отсутствует «налицо», а «официальные сферы этого «праздника» не признают», орган прогрессистов указывал на полное сходство политических обстоятельств, имевшихся в 1906 и в 1915 гг., в том числе на повторение думского требования «министерства доверия». Состоявшая из чередования уничижительных суждений с оптимистическими редакционная статья в «Утре России» завершалась на высокой ноте: упоминалось галилеевское «*Erppur si muove*» и выражалась уверенность, что «конституционная Россия <...> будет неуклонно двигаться вперед», а победа в войне будет и победой «над темными силами старины, властно влекущими страну назад, в прошлый мрак и запустение».

Вслед за редакционной статьей на первой полосе «Утра России» помещало статью «То, что могло бы быть», принадлежавшую перу Т. Ардова. Ему, как и М. А. Караулову (по версии «Раннего утра»), юбилейная дата представлялась как «черная», «траурная», которой была обозначена «годовщина того, чего не было, и что могло бы быть. Того, что хотело быть!». Вспоминая о восторгах, какими был встречен манифест 17 октября, автор рисовал аллегорическую картину: в 1905 г. Россия была подобна человеку, идущему с завязанными глазами к краю пропасти, но на самом краю Бог дает ему крылья и срывает повязку

³⁶ Раннее утро. 1915. 18 октября. Тема траура прозвучала и в речи Ф. Ф. Кокошкина на юбилей конституционно-демократической партии. По сообщению того же «Раннего утра», он сказал: «Славная память манифеста 17 октября в нашем сознании окутана траурным флером», который, добавил оратор, будет снят после войны. См. «Раннее утро». 1915. 20 октября.

с глаз. Через десять лет всё повторилось, и так же, как тогда, осталось уповать на бога и верить, что «есть надежда. Она не умерла».

Подвал второй полосы «Утро России» отвело подборке свидетельств о событиях десятилетней давности. Среди прочего был приведен диалог, состоявшийся после 17 октября у С. Ю. Витте с одним из министров, уходивших в отставку. На вопрос премьера «почему вы недовольны манифестом?», министр ответил: «У меня нет оснований выражать недовольство, но этот акт напоминает мне колониальный и бакалейный магазин, на котором красуется соответствующая вывеска, а товара в котором нет»³⁷.

В следующем номере газеты была напечатана статья Altus'a (А. П. Алексеевского³⁸) «17-е термидора». Ее основное содержание составили отрывочные воспоминания автора о 17 октября, преисполненные восхищения и радости. Весьма образно оценивалось соотношение манифеста общественным ожиданиям: «Получили больше, чем мечтали, и меньше, чем запрашивали». Алексеевский соглашался с тем, что новый строй подобен недостроенному зданию, но без обиняков заявлял, что счастлив жить в эпоху, когда возводится дворец на смену тюрьме, и укорял скептиков: «Стыдно говорить нам о каких-то разбитых корытах и "недостроенных зданиях": — Достраивайте!»³⁹

«Биржевые ведомости», имевшие связи с финансовыми кругами Петрограда⁴⁰, открыли юбилейную тему еще 15 октября, поместив статью М. М. Ковалевского «Десятилетие наших представительных порядков». 17 октября на первой полосе под заголовком «Десятилетие октябрьского манифеста» сначала печатались манифест и выдержки из доклада С. Ю. Витте, а затем шла редакционная статья с названием «Безрадостный юбилей». Она содержала обзор важнейших этапов становления конституционной монархии, на основе которого делался вывод о значении манифеста: он «остается доселе лишь манящим лозунгом». Вместе с тем формирование Прогрессивного блока расценивалось как достаточное свидетельство того, что «сознание практической государственно-национальной необходимости последовательно конституционного режима сделало за последние месяцы обширные завоевания среди разнообразных общественных групп», а поэтому газета сочла возможным заявить: «Линия исторического процесса обозначилась уже с неумолимой отчетливостью», явно имея в виду торжество конституционных начал.

Остальные публикации по большей части представляли собой воспоминания о событиях октября 1905 г. В одной из них, принадлежавшей перу штатного фельетониста газеты Лукиана (С. Б. Любощца)⁴¹, попутно отмечалось как само собою разумеющееся: «Вот прошло десять лет, мы вновь стоим перед

³⁷ Утро России. 1915. 17 октября.

³⁸ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. Т. III, С. 305; Т. IV, С. 32.

³⁹ Утро России. 1915. 18 октября.

⁴⁰ Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917). Справочник. С. 9.

⁴¹ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. Т. II. С. 127.

“разбитым корытом”». Но тут же со ссылкой на мировой опыт развития представительных учреждений делалось обнадеживающее заключение: «Мы всё же не теряем веры в светлую будущность России»⁴².

Центральный орган конституционно-демократической партии газета «Речь» отвела всю третью полосу номера за 17 октября материалам о манифесте. Страница зияла цензурными изъятиями. Редакционная статья открывалась словами самого манифеста о том, что он был дарован «для умиротворения государственной жизни». Десять лет, прошедших с момента его издания, — это «десять долгих мучительных лет». Если в октябре 1905 г. было признано необходимым созвать законодательную Думу, то в октябре 1915 г. она оказалась распущенной. Тем не менее, редакция «Речи» настаивала на том, что «делать отсюда заключение о бесплодности движения нельзя», и подкрепляла свое мнение указанием на отмену действовавшего еще в июле запрета упоминать в печати о созыве Думы. Манифест, подчеркивалось в статье, «вырывал почву из-под ног старого режима», а следовательно, неуместны «чувства отчаяния и безнадежности».

Вслед за редакционной статьей шла статья Ф. И. Родичева с названием, состоявшим из двух цифр: «1905–1915». Автор сравнивал 17 октября 1905 с 19 февраля 1861 г., находя сходство между двумя реформами в том, что те, кто их готовил, были от их осуществления устранены. Желая показать значение манифеста, Ф. И. Родичев приглашал читателя представить, насколько сильнее оказалась бы страна в разразившейся войне, если бы «начала» манифеста «в действительности соблюдались», и тут же указывал, что невозможно «даже и помыслить Россию дооктябрьскую перед лицом нынешних роковых событий». Путь, альтернативный осуществлению манифеста, предупреждал Ф. И. Родичев, — «путь гибели». Защищая мысль о насущности реформ в условиях войны, он указывал, что борьбу «за свободу народов <...> нельзя вести в темноте, слепоте и безотчетности. Ее нельзя вести без народа — эту войну народов. Для нее нужно ежечасное свободное усилие всех и каждого. Ее нельзя вести приказом, ибо она требует самопожертвования».

Статья выдающегося историка Н. И. Кареева «Годовщина», не тронутая цензурой, была наполнена рассуждениями о том, что десять лет — слишком малый срок, чтобы оценить событие, которое к тому же понимается по-разному. С учетом этого предлагалось «не поддаваться искушению говорить в минорном тоне». Следовало ценить уже то, что «как-никак, десять лет тому назад мы сдвинулись с мертвой точки и пошли вперед», «в нашей жизни если не произошел, то начался великий сдвиг». Давая понять, что быстрого движения ожидать нельзя, Н. И. Кареев ссылаясь на опыт других народов, которые тоже «сбивались с правильного пути, заходили в тупики». «Цепкое прошлое и их заставляло иногда барахтаться в усилиях вырваться на открывавшийся впереди простор».

⁴² Биржевые ведомости. 1915. 17 октября.

А. И. Шингарев в своей статье, вышедшей без заголовка и с изъятием половины текста, провел яркое сопоставление содержания манифеста и доклада С. Ю. Витте с практической деятельностью министров — поборников реакции. Из этого сопоставления явствовало, что акты 17 октября не только не стали руководящими документами для внутренней политики режима, но и остались ей чужды.

Автор пространной заметки «17 октября», скрывшийся за инициалами «К. Д.» (К. М. Даниленко)⁴³, отмечал, что если «юридическая контрверза», породившая спор русских государствоведов «о юридическом значении манифеста 17 октября», утратила «со временем свою былую политическую остроту», то манифест вполне сохранил «огромное историческое значение» «как памятная дата крутого поворота в судьбах политической эволюции России». Его издание, поставленное в один ряд с предшествовавшими попытками «усвоения русским абсолютизмом отдельных элементов конституционно-правового строя», было представлено как результат «борьбы двух идейно-политических течений», различавшихся своими взглядами «на “правильные”, “здоровые” пути политического развития России — либо ей присущ путь особый, исключительный, либо тот, что есть только ветвь общечеловеческого политического прогресса». «Затянувшийся спор между сторонниками “самобытного” развития русского государственного порядка и сторонниками конституционного прогресса» разрешился в октябре 1905 г. «соотношением реальных сил». Власть «сдала свои принципиальные позиции», и «в манифесте 17 октября России были обещаны основы “правового строя”». Поэтому, подчеркивалось в заключение статьи, 17 октября «останется в русской истории как символ победы прогрессивно-европейского течения русской общественности», и эта дата сравнивалась с памятниками, которые воздвигаются «на полях сражений». Но победа, указывал автор, «оспаривается противной стороной». «Возрождается борьба между “новой” и “старой” Россией», и в этой борьбе 17 октября представляет собой «боевой лозунг».

Последней в серии юбилейных статей, опубликованных кадетской газетой, была статья П. Рысса, озаглавленная «Через десять лет». Подобно Н. И. Карееву, автор требовал согласиться с тем, что 1905 г. дал много — и «видимого, вроде законодательных учреждений», и «чувствуемого» — «влияние прошлого», предлагая не подводить итогов⁴⁴.

В двух последующих номерах «Речи» широко были представлены выдержки из выступлений разных периодических изданий по поводу десятилетия манифеста. В обзоре «За неделю», помещенном в номере от 19 октября, констатировалось: «...юбилей этот прошел весьма бледно».

Редакционная статья в юбилейном номере «Русских ведомостей», служивших как правило рупором правого крыла кадетской партии⁴⁵, открывалась утверждением: «Десять лет тому назад Россия перешла великую грань своей

⁴³ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. Т. II. С. 13.

⁴⁴ Речь. 1915. 17 октября.

⁴⁵ Махонина С. Я. Русская легальная журналистика XX в. (1905 — февраль 1917). С. 25.

исторической жизни». Но, предупреждала газета, нужно сознавать, что «подобно другим народам, отойдя от старого абсолютизма, мы, прежде чем достигнуть действительного конституционного строя, должны будем пройти долгую, не закончившуюся до сих пор полосу мучительной борьбы пережитков прошлого с начатками новой жизни». Соглашаясь, что «слишком радужные надежды» не сбылись, газета твердо заявляла, что «к этому старому берегу мы уже не вернемся». По ее мнению, значение манифеста обусловлено «не одним его содержанием, но и происхождением», поскольку «этот акт явился результатом всенародного политического движения и санкционировал служившие знаменем этого движения лозунги». Произошло «официальное отречение власти от основ старого строя». Краткая характеристика пунктов манифеста завершалась оценкой, не вполне созвучной громким определениям, которыми начиналась статья: «Он заложил в обязывающей власть форме основы будущей русской конституции». Не желая исказить недавнее прошлое, газета отмечала, что даже «основную норму нового государственного права» не только не удалось осуществить в полной мере, но оказалось возможным нарушить, подтверждением чему являлся акт 3 июня 1907 г. Не менее категорично определялась судьба и других положений акта 17 октября: «Из возведенных манифестом свобод ни одна до сих пор не получила практического осуществления». Исходя из этих признаний очевидного, редакционная статья объявляла манифест и «предметом наших воспоминаний», и «предметом надежд», «программой будущего».

Вслед за редакционной статьей «Русские ведомости» публиковали еще ряд выступлений видных кадетских деятелей. В наиболее пространной статье историка А. А. Кизеветтера был дан исторический очерк событий, предшествовавших его изданию. В нём, как и в редакционной статье, подчеркивалось, что начала манифеста «всё еще не получили полного осуществления», а он сам «есть первое предвещение <...> грядущей эры».

В. А. Маклаков в своей коротенькой заметке «17-е октября 1905 г.» передавал впечатления о той мрачной обстановке, что царила в столице накануне издания манифеста и повторял, но в более жестком тоне, одно из положений, имевшихся в редакционной статье: «Манифест появился не просто как государственный акт, а как белое знамя в разгар битвы, эмблема заключения мира». В известном противоречии с этим автор предъявлял власти упрек в том, что в течение ряда лет ею о манифесте не упоминалось, что «официальные сферы от него отрекаются», несмотря на то что им «предупредительно предоставляли *всю* честь этого акта, но она сама этой миссии не захотела». Последняя фраза в заметке В. А. Маклакова, явно претендуя на многозначительность, заключала в себе не то фаталистическое смирение, не то скрытую угрозу: «Пусть будет так...».

Ф. И. Родичев в «Русских ведомостях» в основном повторял свои рассуждения, опубликованные и на страницах «Речи». Но завершал их на этот раз возвышенными уверениями о наступлении необратимых последствий, вызванных существованием манифеста: «И все-таки не воскреснет рабство старинных

дней. Новая жизнь началась. Пусть она большая, скорбная, тяжкая, но она не холотская. Мы не побеждены, но обессилены. Пусть мы не знаем чувства безопасности, спокойствия, довольства. Мы страдаем и боремся. <...> Мы имеем свой день и будем его иметь. В жизни народа одно мгновение свободы является залогом будущего; оно состоялось. Оно навсегда стирает чувство безнадежности»⁴⁶.

18 октября «Русские ведомости» поместили еще одну статью, посвященную юбилею. Ее автор, ветеран умеренно-прогрессивной публицистики К. К. Арсеньев, объяснял существование разногласий и споров по поводу манифеста тем, что его «содержанию <...> не было дано соответствующего имени, <...> которое определенно виднеется между его строками». Лишь одно его положение «выражено с полной ясностью» и потому не может быть оспорено — «разделение законодательной власти между монархом и народным представительством». Но и это важнейшее изменение государственного строя не было закреплено введением в законодательство термина «конституция». Такой «дефект», по мнению автора, «не перестает служить орудием подкопа под всё созданное на почве манифеста 17-го октября». Подчеркивая, что издание манифеста явилось лишь «запоздалым введением конституционных порядков», К. К. Арсеньев указывал, что их затянувшееся отсутствие обернулось обострением социального вопроса. В заключение он, как и другие авторы, отмечал обращенность манифеста в будущее: «Манифест 17-го октября соединяет в себе основные черты первой русской конституционной хартии; чтобы стать ею, он должен перейти в жизнь. От развития заложенных в нем начал зависит будущность России»⁴⁷.

В ряду изданий, отметивших юбилей акта 17 октября, были и органы специальной юридической периодики. «Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда», хотя и с недельным запозданием, откликнулся редакционной статьей, озаглавленной «Десятилетие манифеста 17-го октября». Ее открывало утверждение о том, что «дата 17 октября — это дата не юридическая, а политическая», поскольку манифест явился «лишь декларацией новых политических принципов». Их осуществление безо всякого пафоса расценивалось «как ближайшая задача правительства». Обильное цитирование манифеста завершалось выводом о том, что он «открывал для русских юристов эпоху исключительного по размаху юридического творчества». Следовавшие за этим указания на безрезультатность существования Государственной Думы и перечисление фактов отступления от начал 17 октября служили основанием для вывода, что такая эпоха не наступила, более того, «в стране не только продолжал царить старый порядок, но, напротив, положение дел значительно ухудшилось». Об этом свидетельствовали распространение исключительных положений, возрастание губернаторского произвола, министерское воздействие на суд. «Никогда еще власть закона не склоняла так низко своей главы перед властью губернатора и министра». Правительство, как подчеркивалось в статье, «бедное законода-

⁴⁶ Русские ведомости. 1915. 17 октября.

⁴⁷ Арсеньев К. К. 1905–1915 // Русские ведомости. 1915. 18 октября.

тельным творчеством, еще более бедное в области упрочения экономической мощи страны и совсем нищее в области международных успехов», сделало десять лет, прошедших со дня издания манифеста, годами «работы по ликвидации начал», им провозглашенных. В результате «плохая внутренняя политика обусловила наши военные и дипломатические неудачи», породила «дезорганизацию хозяйственной жизни страны». Единственной заслугой манифеста объявлялось то, что он «разбудил в народах России сознание граждан» и только благодаря ему в ходе войны проявилось «великое и героическое». В этом «Вестник права» усматривал залог того, что после войны «началам манифеста 17-го октября приуготовлено блестящее развитие»⁴⁸.

Еженедельник «Право» в редакционной статье «17-е октября» прежде всего указывал на сходство разделенных десятилетием обстоятельств — революции и мировой войны, одинаково отмеченных «неумолимой и неотвратимой стихийностью, оскорбительной для человеческой личности». Как и другие издания, «юридическая газета» признавала, что достигнутого в 1905 г. «мимолетного объединения» не удалось сохранить, его сменила «острая внутренняя вражда». За громким заявлением об отказе от поиска «виноватых» следовал сделанный по легко угадывавшемуся адресу упрек в «десятилетней демонстрации таких колебаний настроений и взглядов, такой податливости, такой впечатлительности». Сопоставление заявлений С. Ю. Витте и А. Н. Хвостова о готовности «опираться на общество» позволяло сделать малоутешительный вывод: «За десятилетие <...> движение совершалось как будто не поступательно, а вращательно». Но «Право» тем не менее расценивало манифест как «новый сильнейший толчок»: «17-е октября создало граждан и открыло саму возможность организации». В реализации этой возможности ведущая роль возлагалась на «народное представительство», сделавшееся «предметом внимания». Всемерно поддерживая лозунг созыва Государственной Думы, «Право» предупреждало о том, что «завтрашний день будет тяжелее и сложнее». При подготовке к нему «важно использовать всё, что должно было дать 17-е октября»⁴⁹.

Вслед за редакционной статьей «Право» поместило статью К. К. Арсеньева «Законность и манифест 17 октября». Она открывалась упоминанием об указе 12 декабря 1904 г. и содержащемся в нем требовании «принять действительные меры к охранению полной силы закона». По мнению автора, сам тогдашний строй государства исключал осуществление этого требования. К изменению государственного строя было направлено новое правило, вводившееся манифестом. Его «первая часть», «изменяя способ издания законов», признавала участие в нем Государственной Думы, а вторая «намечала основу для контроля над их исполнением». Но в течение десяти лет, прошедших после 17 октября 1905 г., «охранение полной силы закона», по утверждению автора статьи, осуществлено не было. Первая причина состояла в том, что была «не ограничена, а расширена территория

⁴⁸ Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда. 1915. № 43. С. 1185.

⁴⁹ Право. Еженедельная юридическая газета. 1915. № 42. 18 октября. Стб. 2610–2612.

действия положения о чрезвычайной и усиленной охране». Оно было превращено «в заурядное, будничное средство управления». «Экстраординарная охрана» разрушала «отдельные законы о свободах, изданные после 17-го октября». «Другое, длящееся нарушение “полной силы закона”» автор усматривал в сенатских разъяснениях, находя в них «тенденциозность». Каждое из упоминавшихся в статье разъяснений было, по оценке К. К. Арсеньева, «равносильно изданию нового закона». Контроль над исполнением законов с помощью думских запросов не стал эффективным: «К практическим результатам, — писал Арсеньев, — запросы, принятые Думой, приводили крайне редко». Условием, без исполнения которого достичь обещанного еще в 1904 г. обеспечения «полной силы закона» нельзя, выступало «коренное изменение административного строя в центре и на местах». На пути к этому изданием манифеста, подчеркивал в заключение автор, «сделан первый шаг». Допуская, что «возможны остановки», «перерывы движения», он заявлял о невозможности возврата «к изжитому прошлому»⁵⁰.

Заблаговременно готовился встретить годовщину манифеста научный юридический журнал «Юридический вестник». Серия из восьми статей, составившая отдельную рубрику его XI книги за 1915 г. под названием «К десятилетию манифеста 17 октября 1905 года», была специально подготовлена авторами, принадлежавшими к трем поколениям российских юристов⁵¹. Почти все они придерживались строго научного подхода к изучению манифеста как публичного акта, исходившего от монарха. Исключением можно признать лишь статью А. С. Алексеева, выдержанную скорее в публицистической манере и описывавшую политические события, приведшие к изданию манифеста. Именно в этой статье был на первый план поставлен вопрос о том, чем был порожден манифест. А. С. Алексеев в категорической форме утверждал, что это было «не предписание власти, а выражение воли общества»⁵². С тем, что манифест не был «актом самодовлеющей власти», соглашался и В. В. Ивановский, отнеся его к числу западноевропейских «хартий вольностей»⁵³. На основе анализа текста самого манифеста Я. М. Магазинер расценивал его как достижение властью соглашения с обществом, предусматривавшего взаимные обязанности сторон⁵⁴. Но вопрос о социально-политической природе манифеста представлялся важным далеко не всем авторам «Юридического вестника». Большинство предпочло сосредоточиться на выяснении государственно-правового значения акта 17 октября. Дискуссия относи-

⁵⁰ Арсеньев К. К. Законность и манифест 17 октября // Право. Ежедневная юридическая газета. 1915. № 42. 18 октября. Стб. 2613–2615.

⁵¹ Юридический вестник. 1915. Кн. XI.

⁵² Алексеев А. С. Манифест 17 октября 1905 года и политическое движение, его вызвавшее // Юридический вестник. 1915. Кн. XI. С. 42.

⁵³ Ивановский В. В. Политико-культурное значение манифеста 17 октября 1905 года // Юридический вестник. 1915. Кн. XI. С. 43.

⁵⁴ Магазинер Я. М. Юридическое значение манифеста 17 октября 1905 года // Юридический вестник. 1915. Кн. XI. С. 80.

тельно этого в российской юридической науке развернулась задолго до 1915 г. и нашла свое отражение в юбилейных публикациях на страницах авторитетного научного издания. А. С. Алексеев считал, что изданием манифеста завершился «тот период борьбы общества с правительством, который привел к крушению самодержавного строя»⁵⁵, т.е. связывал с ним смену формы правления в России. В. В. Ивановский видел значение манифеста в его влиянии на народное сознание, «в развитии в народе понимания своих прав и чувства законности»⁵⁶. По мнению С. А. Корфа, 17 октября предопределило «необходимое изменение понятия суверенитета» как «юридического принципа, означающего верховенство права»⁵⁷. Н. И. Палиенко отстаивал мнение о том, что «манифест лишь предопределил реформу, но отнес ее осуществление к будущему, а не дал ее основы в настоящем». Содержание манифеста сводилось «прежде всего к директиве правительству». Вместе с тем Н. И. Палиенко указывал, что акт 17 октября «обосновывал <...> правовую норму, обязывающую верховную власть осуществить реформу», причем источник этой нормы состоял «в общем правосознании»⁵⁸. Эти мнения оспаривал Я. М. Магазинер, указывавший, что манифест «уже заключал в себе последующие реформы и легально предопределял их», создав «общие нормы» в качестве «легальной и логической основы нового права»⁵⁹. М. Б. Горенберг был солидарен с Н. И. Палиенко, указывая, что манифест не обладал «материальной силой», а потому и не может считаться законом: «<...> не отменив абсолютизма, он точно сформулировал лишь идею преобразования абсолютного государства в государство конституционное»⁶⁰. Б. А. Кистяковский, чья статья завершала серию и представляла собой попытку обобщить высказанные мнения, призывал не преувеличивать значение разногласий, выявившихся между его коллегами по цеху государствоведов. Они были единодушны «в основной оценке» манифеста: он «делает решительный и принципиальный шаг от абсолютной монархии к конституционному государству, <...> кладет грань между нашим старым и новым государственным строем». К ряду высказанных определений «юридической природы манифеста» Б. А. Кистяковский прибавил свое: по его мнению, «манифест 17-го октября есть провозглашение у нас действующим правом известных естественно-правовых принципов»⁶¹.

⁵⁵ Алексеев А. С. Указ. соч. С. 42.

⁵⁶ Ивановский В. В. Указ. соч. С. 51–52.

⁵⁷ Корф С. А. Понятие Суверенитета (К десятилетию манифеста 17-го октября.) // Юридический вестник. 1915. Кн. XI. С. 56.

⁵⁸ Палиенко Н. И. Правовое значение Манифеста 17 октября 1905 года // Юридический вестник. 1915. Кн. XI. С. 57–61.

⁵⁹ Магазинер Я. М. Указ. соч. С. 67–69.

⁶⁰ Горенберг М. Б. Юридическое значение манифеста 17 октября 1905 года // Юридический вестник. 1915. Кн. XI. С. 83–85.

⁶¹ Кистяковский Б. А. Политическое и юридическое значение манифеста 17 октября 1905 года // Юридический вестник. 1915. Кн. XI. С. 107, 110.

Общность воззрений на манифест умеренно-прогрессивных деятелей юридической науки проявлялась не только в признании его важнейшим актом, открывшим собой реформирование государственного строя России, но и в оценке степени его осуществления. Все авторы «Юридического вестника» с большей или меньшей резкостью констатировали и невыполнение положений манифеста, и отступления от них в законодательстве и законоприменении. Но вместе с тем имело место полное единство авторов в том, что невозможно ни отменить манифест, ни признать недействующими его начала.

Статьи, помещенные на страницах специального научного издания, каким был «Юридический вестник», предназначались для относительно узкого круга подготовленных читателей. Но большинство из них в том же 1915 г. было выпущено в виде отдельных брошюр, которые уже получали куда более широкую читательскую аудиторию и становились частью юбилейной публицистики.

Некоторые специальные издания, посвященные финансам и промышленности, нашли для себя необходимым отозваться на годовщину манифеста. «Финансовая газета», орган петроградских банкиров⁶², в день юбилея вышла с редакционной статьей «Третье сословие как политическая сила». Манифест, говорилось в статье, даровал «русскому народу конституцию». Напоминая, что в 1905 г. «охотно» искали «сходство между обновлением России и великой французской революцией», газета, напротив, указывала на несхожесть законодательства последней с манифестом: «В одном отношении этот акт не являлся началом новой эры, в одном ярко отличался от 1789 года: по своему значению для нашего третьего сословия». Если французское третье сословие выполнило подготовку революции и «ее провело», то «русская свобода пришла не столько в ответ на экономическую потребность буржуазии, сколько на зов политического идеализма, духовных чаяний народа». В движении за свободу «третье сословие почти не участвовало», не выступало в качестве «политической силы. Оно осталось тем же съезженным, нелюбимым ни правительством, ни интеллигенцией, ни аграриями, тем же дряблым, мало предприимчивым, неорганизованным, каким было до октябрьского манифеста в старой России». Но, отмечалось далее, «объявление свободы в России должно было навеять у нас зародыш капиталистического подъема». «Финансовая газета» разъясняла, что «религия буржуазии — капитализм, а основная догма капитализма — свобода». Капитализм «предполагает свободный рост и оборот всяких денег», он «может развиваться только в атмосфере права», «в собственных интересах большей производительности требует свободы коалиций и для рабочих». Но если Франция после 1789, а Германия после 1848 г. шли «быстро по пути капитализма», то в России «дальше неуловимого, скрытого внутреннего процесса дело не пошло». И только начавшаяся война «раскрепощает нашу промышленность. <...> Одновременно с этим она раскрепощает и весь наш торгово-промышленный класс». Сама война имеет, открыто заявлялось в статье, «империалистический характер»,

⁶² Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917): Справочник. С. 225.

ее «приемы и техника <...> властно призывают к жизни третье сословие». Факты свидетельствовали о том, что «страница новой истории, которую не сумел открыть 1905-й год, начнется в жизни нашего пробуждающегося третьего сословия с 1915-го года»⁶³. Очевидно, что «Финансовая газета» использовала юбилейную дату как повод лишний раз высказаться на излюбленную тему — о необходимости и своевременности усилить политическое влияние промышленной буржуазии. О том же, но уже в чисто практическом ключе, говорилось и в статье юбилейного номера журнала «Промышленность и торговля»⁶⁴. Автор статьи, подписавшийся одной буквой «Ш»⁶⁵, заострял вопрос: «Десятилетняя годовщина великого исторического акта застаёт торгово-промышленный класс России на перепутье». Считая более нетерпимым «отсутствие у торгово-промышленного класса политического влияния, которое хотя бы в слабой степени соответствовало бы государственному значению промышленности», автор предлагал два пути: либо одна из существующих партий выдвинет «надлежащую торгово-промышленную программу», либо «торгово-промышленный класс должен кристаллизироваться в самостоятельную политическую партию»⁶⁶.

«Новое время», виднейший орган официозной печати, близкий партии националистов, в номере от 17 октября поместило две статьи, посвященные юбилейной дате. Редакционная статья под трафаретным названием «Десятилетие манифеста 17 октября» начиналась с признания «дореформенной России» «слабой, неорганизованной внутренне» и не страшной для Германии. Издание манифеста объяснялось безвыходностью положения: «Идти назад было некуда». Его значение определялось словами «велико и всеобъемлюще». Причинами того, что «осуществление провозглашенных им “директив”» было отсрочено, объявлялись «сначала разбушевавшаяся анархия», а затем «ошибки первой Государственной Думы». Доля ответственности возлагалась и на правительство, у которого «искренности в утверждении всех благ гражданской свободы <...> не было с самого начала», зато скоро проявилось устойчивое «пренебрежение к обществу». Это мешало П. А. Столыпину, «искреннейшему стороннику реформ», а его преемники «просто пошли по линии наименьшего сопротивления — против реформаторства вообще». Кадеты тоже оказывались в изображении «Нового времени» виноваты в том, что положения манифеста оставались неосуществленными, — допускали «пресмыкательство перед крайне левыми». Такие сбалансированные рассуждения позволяли сделать вывод: «В области чисто политической таким образом и власть, и население оказались

⁶³ Финансовая газета. 1915. 17 октября.

⁶⁴ Вклейка сообщала читателям, что «настоящий номер выходом в свет запоздал по цензурным условиям».

⁶⁵ Это могли быть И. Д. Галактионов, публиковавшийся в журнале «Наборщик и печатный мир», А. В. Шваров, сотрудник «Биржевых ведомостей», или П. И. Шошин. См. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. Т. III. С. 242–244.

⁶⁶ III. Политическое объединение торгово-промышленного класса // Промышленность и торговля. 1915. № 26 (193). 17 октября. С. 448–450.

недостаточно подготовленными к устройству государственной жизни на основах правового конституционного порядка». Общество в лице III Государственной Думы «гораздо скорее, чем бюрократия, дало доказательство своей гражданской зрелости», но несмотря на это, «ко времени, когда началась эта война, манифест 17 октября был уже фактически “ликвидирован” на местах». Сделав столь решительное признание, газета стремилась его смягчить, указывая, что благодаря акту 17 октября достигнуты важные результаты: деятельность представительства «в области практических вопросов», движение страны «по пути экономического преуспевания», а главное — ожидание «развития русской общечественности в форме различных обществ». Констатируя, что «под грохот пушек <...> в России идет усвоение начал гражданской жизни Запада, выраженных, впрочем, и у нас в государственном акте, покрытом уже десятилетней давностью запрета», «Новое время» ставило вопрос: «Почему это считалось ненужным и даже вредным до войны?», но не давало на него ответа, ограничившись предположением относительно того, что «не будь в представлении нашей государственной власти страха перед широким развитием русской общечественности, на основе гражданских свобод, может быть, и течение этой войны <...> было бы другим». В соответствии с этим статью завершал призыв «с особенной благодарностью <...> вспомнить о манифесте 17 октября», поскольку «ему мы обязаны тем многим, что Россия может противопоставить сейчас своему сильному противнику».

Вторая статья в «Новом времени» была написана его ведущим автором М. О. Меньшиковым и имела заглавие «В предрассветных сумерках». Проводя сопоставление обстоятельств, имевшихся в 1905 г., с теми, что сложились через десять лет, Меньшиков выставлял на первый план существенное различие: к октябрю 1905 г. война уже закончилась, в октябре 1915 она продолжалась и ее «общие результаты пока неутешительны». Такой оценкой хода военных действий нововременский публицист не ограничился и высказался категорически: «Империя переживает военную катастрофу». Ответственность за это возлагалась не только на правительство, но и «на народное представительство, а через него — на весь народ». Ведь народ «в сущности, всегда заслуживает ту политическую организацию, которую имеет», пояснял свою логику М. О. Меньшиков. Задаваясь вопросом, почему народ неспособен иметь лучшую, — он отвечал: «Нам мешали». Роли устроителей помех культурному и политическому развитию страны приписывались Петру I, немцам, подчинившим его своему «внушению», и, наконец, «онемеченной бюрократии». Ими был разрушен «органически-национальный строй нашего государства», сокрушался Меньшиков. Достаточно было, по его словам, сохранить патриаршество, боярство и земский собор, чтобы произошедшее в 1905 г. смогло произойти и в 1805, и даже в 1705 г.

Свои пространные рассуждения в строго славянофильском духе автор завершал характеристикой третьеиюньской Думы, созданной благодаря акту 17 октября. Она, по мнению Меньшикова, «конечно, <...> не то, что мы жажда-

ли десять лет назад. Если бы тогда сложилась решимость взять культурную государственность с теми же требованиями, какие мы предъявляем к автомобилю или аэроплану, т.е. с тем условием, чтобы были введены все усовершенствования в них до последнего дня, — то, конечно, парламент наш дал бы и результаты далеко не те, что он дает теперь. Представьте, что в автомобиле вы требуете непременно устарелой системы, непременно зачаточного мотора, первобытных шин и рессор. Ясно, что на такой машине далеко не уедешь и комфорта от нее ждать напрасно. А наш парламент представляет [собой] именно зачаточный автомобиль, причем всё внимание устремлено на то, чтобы отстоять его зачаточность». Следствием такого состояния российского представительства объявлялась, кроме «крайне замедленного и качественно несовершенного законодательства», неспособность «отвести грозовую тучу от своего отечества» — своевременно подготовиться к войне. «Новая постройка явилась слегка лишь измененной копией старых хоромин, и на судьбу России присутствие ее влияет слабо». Заканчивал М. О. Меньшиков свою статью на откровенно минорной ноте: «Если к бюрократии, которая ставит вопросы и не решает их, прибавить парламент, который занимается тем же, то яснее станет настроение, с которым мы вступаем во второе десятилетие парламентской эры. Оно не розовое и не голубое»⁶⁷.

Другой орган националистов — «Киевлянин», издававшийся видным думским деятелем В. В. Шульгиным, в день юбилея поместил на первой странице под рубрикой «Впечатления» статью А. Ежова «17 октября. 1905–1915 г.». Эпиграфом к ней служила знаменитая ремарка из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» — «Народ безмолвствует». В иносказательной форме, пользуясь пышным слогом, автор предупреждал о приближении линии фронта к рубежу «наследия “Красного Солнышка”». Именно здесь «русский богатырь вынул свой меч-кладенец и замахнулся им...». Меч ему в руки вложила «*русская народная Дума*, созданная потом и кровью народными, как всё в России, призванная *сверху* Царским словом, как призывается всё в России». В статье упоминалось об избрании «народом» дома Романовых, о безмолвии народа при разных исторических обстоятельствах. В заключение подчеркивалось, что «народ безмолвствует и теперь. *Народная Дума* безмолвствует в день своего первого праздника. Но это — великое безмолвие, которым доказывается, что народ этот и его “думы” достойны того, чтобы уста их были всегда отверсты!» Автор выражал уверенность в том, что «народ, выковав свои слова во вражеской крови, <...> по Царскому слову, по Царскому зову, как призывается всё в России, заговорит <...> мирными творческими делами»⁶⁸. Как можно полагать, за напыщенностью и туманностью стиля, во-первых, угадывается возражение тем авторам, которые, подобно В. А. Маклакову или А. С. Алексееву, оценивали издание

⁶⁷ Новое время. 1915. 17 октября.

⁶⁸ Киевлянин. 1915. 17 октября.

манифеста как отступление власти перед общественным натиском. Во-вторых, воздавалось должное уступчивости думцев. В-третьих, А. Ежов явно намекал на то, что Думу лучше бы созвать уже после успешного окончания войны.

В тон «Киевлянину» отозвался о юбилее журнал «Наборщик и печатный мир». Уже после 17 октября он поместил редакционную статью под названием «Светлая пора». В ней с удовлетворением отмечалось, что «Россия тихо, скромно отпраздновала десятилетие обновления государственного и общественного порядка». «Великие слова» — положения манифеста о провозглашении свобод, законодательных правах Думы, о ее участии в надзоре за закономерностью действий исполнительной власти, цитировались и дополнялись оговоркой: «10 лет — слишком мало времени, чтоб подводить итоги сделанному для блага России». В статье подчеркивалось, что «принимая во внимание географические и политические условия России, ее почти безграмотное население, а также “давление” на наш государственный строй свирепых соседей — немцев, <...> нельзя строго говорить, как это сделали некоторые русские органы печати, якобы о безрезультатности Высочайшего манифеста 17-го октября. Результаты есть и огромные. Для примера возьмем хотя бы открытую критику деятельности министров, начальников различных государственных учреждений и проч., — критику, за которую в прежнее время сажали в тюрьму и крепость, а также ссылали в места отдаленные». Щедро платя дань антинемецкой пропаганде, журнал проявлял радужный оптимизм: «С окончанием войны наступит светлая пора, и никакая сила не остановит нашу великую родину на пути ее просветительного и освободительного движения в смысле манифеста 17-го октября 1905 г.»⁶⁹.

Крайне правые издания демонстративно отказались публиковать в номерах за 17 октября какие-либо материалы, связанные с юбилеем. Исключение составили «Московские ведомости». Вышедшая в день годовщины редакционная статья называлась «Накануне». Манифест расценивался как «великий идеальный порыв царского доверия к народу». Но «слово доверия» «не дошло до народа». По словам газеты, «интеллигентская смута», явившись «тяжким средостением между народом и его государем», «присвоила его себе, она истолковала его по-своему», внушая народу, что манифест «является актом отречения царя от его власти». Порожденные им реформы «никого не удовлетворили, и с ними только мирились как с временными мерами». Их осуществление задержалось, и после 17 октября, как подчеркивалось в статье, «мы жили не в эпоху великих реформ, а только *накануне* преобразований». Произведенные в 1905 г. перемены «не могли быть прочны», неся на себе отпечаток военных поражений. В результате «десять лет мы живем в таком невыносимом положении, зашедши в тупик». Выйти из него позволит, уверяли «Московские ведомости», победа в войне, призвавшей «к возвращению на национальный путь». В тон правитель-

⁶⁹ Наборщик и печатный мир. Вестник печатного искусства, литературы и типографской жизни. 1915. № 190. Октябрь. С. 1760–1761.

ству заявлялось, что до окончания войны «рано помышлять о деле реформ», а после нее, предрекала газета, «свободный народ осуществит свое истинное единение со своим свободным самодержцем, и смысл манифеста 17 октября для народа уяснится в своем неискаженном и чистом значении»⁷⁰.

«Петербургские ведомости» в номере за 18 октября поместили статью «Дни свобод», автором которой был Вель. Его внимание привлекло появление большого числа воспоминаний о событиях десятилетней давности. Все они, по мнению автора, «трафаретные, напыщенные и невыразимо пустые». То, чему они посвящены, т.е. революция, было всего лишь чередой преступлений — грабежей, забастовок, краж. Не утруждая себя поиском доказательств, автор заявлял: «Революцию “делала” наша интеллигенция. <...> Народ, население, обыватели были от нее на расстоянии всей страны». «Хулиганье» выступило как «помощник» интеллигенции, обнаружив способность понять «стремление “соли земли”» и выразить это понимание «в действиях решительных и даже стихийно-планомерных». «Интеллигенция только размышляла и подготавливала, а хулиганы только действовали». Поэтому, объяснялось в статье, никто содержательных воспоминаний не напишет. Не без торжества подводился итог: «Везувий обыденности засыпал прошлое своим пеплом — и раскопки едва ли дадут что-нибудь утешительное»⁷¹.

«Русским знаменем», органом черносотенцев, в более конкретной форме, чем «Петроградскими ведомостями», была осуждена произошедшая «над гробом смутьянских свобод <...> свистопляска левой печати». Свое молчание по поводу юбилея газета без обиняков объясняла тем, что «акт этот не мог найти применения в русской жизни и на практике был признан исторической ошибкой». Воспоминания о нем, заявляла газета, приятны только тем, «кому на руку новая усобица в земле русской», но «того, что было, им не вернуть». Свой вывод «Русское знамя» выразило в самой что ни на есть категорической форме: «Самодержавие в России осталось таким, каким оно было встарь. Конституции нет. Парламентаризма нет и быть не может. <...> Основы государственные строго нерушимы»⁷².

В «Земщине» С. Глинка откликнулся на выступления печати по поводу годовщины манифеста статьей «Беснование». Его возмущение вызвало не только множество публикаций, но большое место, отведенное в газетах статьям и заголовкам. Вступив в полемику с редакционной статьей «Нового времени», С. Глинка обрушился с упреками в адрес С. Ю. Витте, изобличая его в том, что он «вовсе не заботился об ограничении бюрократии, а заботился об ограничении государя, чего русский народ никогда не допустит». Витте предъявлялось и тяжкое обвинение в предоставлении Думе возможности «начать борьбу

⁷⁰ Московские ведомости. 1915. 17 октября.

⁷¹ Петроградские ведомости. 1915. 18 октября.

⁷² Русское знамя. Вестник союзов русского народа. 1915. 18 октября.

с верховной властью». Думе приписывалось стремление «вырвать у самодержца власть назначать министров <...> под видом правительства, “облеченного доверием страны”», что расценивалось как «государственный переворот». Полное одобрение выражалось решению царя «прекратить крамольную Думу, покушавшуюся на ограничение его власти, когда неограниченность ее наиболее необходима для спасения России и свободы народа»⁷³.

Итак, ведущие органы российской печати за небольшими исключениями отметили публикациями десятилетие манифеста 17 октября 1905 г. Их обзор показывает, что в условиях военной цензуры читающей публике был представлен довольно ограниченный набор конкурирующих позиций. К тому же далеко не все они были выражены в полном объеме.

Крайне правые издания использовали возможность еще раз обозначить свою реакционность — значение манифеста отрицалось, провозглашенные им и в силу его осуществленные перемены в государственном строе объявлялись несостоятельными. Предрекалось возвращение к дореформенному состоянию монархии. Позиция ультраконсерваторов не нашла себе сколько-нибудь развернутого выражения, ее пытались лишь декларировать лояльные режиму органы националистической направленности. Зато широкий фронт прогрессивных, реформистски ориентированных изданий от меньшевиков на левом фланге и до редакции «Нового времени» на правом использовал юбилей для акцентирования политических устремлений и настроений главным образом цензовой общественности, склонной именовать себя «обществом». Говорившие от ее имени и к ней обращавшиеся органы печати были единодушны в признании как выдающегося значения манифеста, так и факта незавершенности обещанных в нем реформ, который, впрочем, не отрицался и правой прессой. Призывы смириться с замедленным ходом преобразований, обоснованные ссылками на исторический опыт, были мало созвучны с указаниями на многочисленные факты пренебрежительного отношения властей к положениям манифеста. Аналогичным образом попыткам возложить на «общество», думцев и так называемую «оппозицию» ответственность за то, что осуществление положений акта 17 октября не состоялось, противопоставлялись обвинения по адресу правительственных кругов в забвении начал манифеста. Нередко такие противоположные мнения помещались на страницах одного и того же издания, но во всех случаях открытой и последовательно аргументированной дискуссии пресса смогла избежать. При этом и более, и менее реформистские органы печати уверяли своих читателей, что сам манифест не может быть отменен, а predetermined им трансформации обязательно последуют. В общем хоре терялись и предупреждение Ф. И. Родичева о губительности отказа от исполнения манифеста, и пессимистический взгляд на будущее, высказанный М. О. Меньшиковым. Упования на готовность власти воздать народу за его

⁷³ Земщина. 1915. 18 октября.

жертвы, принесенные на алтарь победы, делали излишними поиски средств, которыми общество могло побудить власть еще в ходе войны продолжить осуществление реформ, вполне, по мнению их сторонников, назревших. Указания на только что сложившийся Прогрессивный блок как на политическую силу, готовую к сотрудничеству с властью в деле преобразований, не подкреплялись упоминанием о том, как заставить правящие круги согласиться на это сотрудничество. Призыв Altus'a «Достраивайте!», обращенный к тем, кто видел в манифесте фундамент обновленного государственного здания, повисал в воздухе и явно диссонировал с демонстративным отрицанием думско-оппозиционного «властолюбия».

Прославление манифеста, особенно в кадетской печати, обосновывалось указаниями на его пусть и скромные, но вполне реальные результаты и прежде всего на Государственную Думу, рост ее авторитета в глазах общества, на изменения в общественном сознании. Упоминания об обманутых ожиданиях, о принадлежности манифеста «будущему» лежали в русле старой тактики «уговаривания власти» не отказываться от движения по пути реформ. Вместе с тем прогрессивная пресса демонстрацией разочарования по поводу забвения манифеста раскрывала несоответствие форматов государственного бытия как социальным запросам, так и нуждам войны, для удовлетворения которых было необходимо партнерство страны и власти, считавшей, со своей стороны, что консолидация общества ради победы будет достигнута при сохранении полной силы государственного попечения и надзора, уже обнаруживших свою несостоятельность в организации тыла. Смешивая в разных пропорциях укоры и причитания по поводу «неудавшегося юбиляра» с его возвеличиванием и уверениями в его осуществимости, российская печать умеренно-реформистского толка напоминала всем то, что адресовалось прежде всего правящим кругам: они не исполнили своих обещаний, хотя требовали мобилизации от общества, которое голосом подцензурной прессы еще не выражало готовности к сопротивлению, открыто не выдвигало необратимых политических требований, но, подтверждая принятие власти, проявляло верность прежним ожиданиям политических перемен. Умеренные сторонники реформ предпочитали убедить себя и своих единомышленников в том, что стратегия, избранная властью, была непоследовательной, но зато не была ошибочной. Отсутствие сколько-нибудь заметных откликов на юбилейную дату в широких общественных слоях и даже в среде общественно-политических деятелей (партийных, земских, городских), отмеченное в прессе, с полным основанием можно расценивать как свидетельство неадекватного воспроизведения подцензурной печатью общественных настроений и в первую очередь переоценки ею степени консолидации российского общества. Пренебрежительное отношение к выступлениям прессы по поводу юбилея манифеста со стороны власти через два года поставило ее перед лицом уже не столько необратимых требований, сколько необратимых социальных действий.

References

- Anan'ič B. V., Ganelin R. Š. Opyt kritiki memuarov S. Ŭ. Vitte (v svāzi s ego publicističeskoj deātēl'nost'ŭ v 1907–1915 gg.) // Voprosy istoriografii i istočnikovedeniā istorii SSSR. M.; L., 1963. S. 349–352.
- Krizis samoderžaviā v Rossii. 1895–1917 / Otv. red. V. S. Dākin. L.: Nauka, 1984.
- Lavrin V. A. Vozniknovenie revolūcionnoj situacii v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny. M.: Izd-vo MGU, 1984.
- Mahonina S. Ā. Russkaā legal'naā žurnalistika XX v. (1905 — fevral' 1917) (opyt sistemnogo issledovaniā) // Iz istorii russkoj žurnalistiki načala XX veka / Pod red. B. I. Esina. M.: Izd-vo MGU, 1984. S. 5–49.
- Masanov I. F. Slovar' psevdonomov russkikh pisatelej, učenyh i obščestvennyh deātēlej: V 4 t. / Podg. Ŭ. F. Masanov; red. B. P. Koz'min. M.: Izd-vo Vsesoūznoj knižnoj palaty; T. I. 1956; T. II. 1957; T. III. 1958; T. IV. 1960.
- Neproletarskie partii v Rossii: Uroki istorii / Otv. red. L. M. Spirin. M.: Mysl', 1984.
- Predstavitel'nye učreždeniā Rossijskoj imperii v 1906–1917 gg.: Materialy perlūstracii Departamenta policii / Otv. red., avtor predisl. V. V. Šelohaev; sost., avtor komment. i predisl. K. A. Solov'ev. M.: Političeskaā ēnciklopediā, 2014.
- Russkaā periodičeskaā pečat' (1895 — oktābr' 1917): Spravočnik / Avt.-sost.: M. S. Čerepahov, E. M. Fingerit. M.: Gospolitizdat, 1957.
- Saginadze Ė. O. Obrazy otstavnogo sanovnika: S. Ŭ. Vitte i obščestvennoe mnenie: 1906–1915 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2013.
- Starcev V. I. Russkaā buržuaziā i samoderžavie v 1905–1917 gg. (Bor'ba vokrug «otvetstvennogo ministerstva» i «pravitel'stva doveriā»). L.: Nauka, 1977.
- Vlast' i reformy. Ot samoderžavnoj k Sovetskoj Rossii / Otv. red. B. V. Anan'ič. M.: OLMA-PRESS Ėks-libris, 2006.

Список литературы

- Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 349–352.
- Власть и реформы. От самодержавной к Советской России / Оtv. ред. Б. В. Ананьич. М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006.
- Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / Оtv. ред. В. С. Дякин. Л.: Наука, 1984.
- Лаврин В. А. Возникновение революционной ситуации в России в годы Первой мировой войны. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. / Подг. Ю. Ф. Масанов; ред. Б. П. Козьмин. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты; Т. I. 1956; Т. II. 1957; Т. III. 1958; Т. IV. 1960.
- Махонина С. Я. Русская легальная журналистика XX в. (1905 — февраль 1917) (опыт системного исследования) // Из истории русской журналистики начала XX века / Под ред. Б. И. Есина. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 5–49.
- Непролетарские партии в России: Уроки истории / Оtv. ред. Л. М. Спириной. М.: Мысль, 1984.
- Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Оtv. ред., автор предисл. В. В. Шелохаев; сост., автор коммент. и предисл. К. А. Соловьев. М.: Политическая энциклопедия, 2014.
- Русская периодическая печать (1895 — октябрь 1917): Справочник / Авт.-сост. М. С. Черепанов, Е. М. Фингерит. М.: Госполитиздат, 1957.
- Сажинадзе Э. О. Образы отставного сановника: С. Ю. Витте и общественное мнение: 1906–1915 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013.
- Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л.: Наука, 1977.